

М. А. УЛЬЯНОВ

«Это что, про меня?..»

Пожалуй, я не смогу внятно объяснить феномен М. С. Горбачева. Для этого есть ученые мужи, способные все расставить по полочкам и все объяснить. Я, как актер, смогу лишь выразить свое эмоциональное восприятие личности Михаила Сергеевича Горбачева.

Объективно в нашей стране проявился и сыграл известный диалектический закон: количество переходит в новое качество. Если этот закон объективен и действительно существует, то стремительный распад огромного государства, могучей, как нам казалось, империи, вполне объясним и логичен. И появление звезды по имени «М. С. Горбачев» тоже логично и исторически оправданно.

История мудра, и она безошибочно выдвигает такого лидера, который необходим именно сегодня, сейчас, в этот исторический момент. И потому Горбачев не случайно появился в тот разломный период, когда страна уже изнемогала под душным гнетом стариков, которые своим бессилием поразительно точно характеризовали состояние самого общества. Жалкое цепляние за власть, которая им была уже не под силу, создание видимости «могущества». Отсюда эта «орденоносная» вакханалия, вызывавшая только жалость и тревогу за государство. Они уже плохо ориентировались, но право выбирать дорогу и решать дела оставляли за собой. А куда идти, они уже плохо понимали. Страна жила по самому губительному принципу: говорить одно, делать другое, а думать о третьем.

И вот именно в такой исторический момент и появился на политическом небосклоне Михаил Сергеевич Горбачев: молодой, улыбчивый, веселый — какой-то солнечный. И как будто открыли наглухо закрытые ставни, распахнули окна, и в комнату хлынул свет. Казалось, что человек без страха и сомнений открыл все двери и пустил весенний сквозняк в запыленный, запущенный дом.

Я познакомился с Горбачевым именно в этот период его жизни. У него в то время, в первые месяцы, были какие-то сияющие глаза. Михаил Сергеевич, вероятно, чувствовал себя уверенно и надежно. Свою знаменитую перестройку он начал без сомнения и колебаний.

Мне кажется, что Михаил Сергеевич искал свой путь, перелистывая страницы мировой истории. Горбачев понимал, что идет процесс, который кардинально должен изменить жизнь страны. А опыта нет. Но если обратиться к истории, можно увидеть какую-то повторяемость. Может быть, поэтому Горбачев бывал в нашем театре на спектаклях: «Наполеон I», «Мартовские иды» и «Брестский мир» (по пьесе М. Шатрова¹).

Михаил Сергеевич, конечно же, понимал, какую ответственность берет на себя, отпуская вожжи. Но тогда, как мне кажется, он не мог усомниться в том, что и ему, и партии не хватит сил управлять всем процессом. Была задача улучшить жизнь, а не менять ее. Но, как в атомном реакторе, уже начался неуправляемый разгон, грозящий взрывом. И взрыв произошел. Что было дальше — теперь известно, да и не мне разбираться в этом сложнейшем коловороте событий.

Я вернусь к рассказу о любви Михаила Сергеевича и Райсы Максимовны к театру вообще и к нашему театру — театру Евгения Вахтангова в частности. Мне думается, что кроме любви к театру как к таковому Горбачев, может быть и не думая об этом, все-таки примерял на себя серый сюртук Наполеона и тогу Цезаря. В «Наполеоне I» многое можно было взять на вооружение и заметить немало ошибок гения. А чем были меньше задачи, стоявшие перед Горбачевым?

Может быть, я слишком вольно сопоставляю разные исторические эпохи. Может быть, ничего этого и не было в уме у Михаила Сергеевича, но ведь был наш разговор после спектакля «Мартовские иды». Речь в пьесе идет о последних днях Юлия Цезаря, о том периоде, когда правитель отчетливо понимал, что Рим рушится, и не в силах был остановить этот развал, когда видел предательство и ведал, что на него точат кинжалы. И зная это, Цезарь идет на встречу со своими убийцами, понимая, ясно понимая, что может не вернуться. Единственное, чего он не ожидал, — предательства Брута: «И ты, Брут?».

После спектакля Михаил Сергеевич полушутя, полусерьезно сказал: «Это что, про меня? Думаешь, и я так же кончу?».

А когда они вместе с Райсой Максимовной смотрели спектакль «Брестский мир» о борьбе Ленина за заключение мирного договора, о его тайной любви к Инессе Арманд, о его яростном подчинении себе соратников, спорящих с ним, Михаил Сергеевич не смог

принять такого Ленина. «Ну, зачем уж так-то? Чтобы Ленин лег у ног Арманда²? Чтобы Ленин, понимая, как гибельна для России война, и борясь за заключение договора, стоял на коленях перед Троцким? Это неправда». Эта реакция была естественна для человека, который всю жизнь воспитывался на обожествленном образе Ленина. А нам хотелось показать великого, но живого, грешного и плотского человека.

Но, наверное, именно эта раздвоенность, когда Горбачев уже рвал с прошлым, а прошлое еще держало его цепкими трясущимися руками, — и стала в дальнейшем драмой самого М. С. Горбачева. Но об этом пусть расскажут более сведущие и знающие люди.

Я же хочу закончить следующим. Несмотря на его собственные ошибки, на измены других, на непонимание и обвинение во всех грехах, Михаил Сергеевич Горбачев — историческая личность, много сделавшая для России и всего мира.

